

ПИТЕР ВАГНЕР

Социальная теория и политическая философия

Свои ключевые вопросы общественные науки унаследовали от политической философии. С такого утверждения свое исследование «Об обосновании» (1991; 39) начинают Люк Больтански и Лоран Тевно, чтобы затем показать, что даже наиболее четко выделенные теоретические подходы в общественных науках — онтологический холизм в большей части социологии и индивидуализм в экономике — следует считать социальными метафизиками, пусть противостоящими, но едиными в своей неспособности понять общий принцип, лежащий в их фундаменте. Пытаясь найти теоретическое объяснение возможности согласия между индивидами, каждый из подходов предполагает лишь единственное основание для такого согласия — «коллективную идентичность либо рыночную стоимость» (44) — пренебрегая, однако, рассмотрением того, каким образом возникает именно такая, а не иная форма согласия. Больтански и Тевно называют эту операцию «редукцией политической метафизики в общественных науках» (43) и посвящают свое исследование «обнаружению скрытой политической метафизики». Эта операция, однако, «довольно трудна вследствие разрыва с философией, посредством которого экономика и социология конституировали себя как научные дисциплины... И та и другая родились от политических философий, служивших им матрицами, тех философий, в которых их метафизические положения вполне очевидны» (44)¹.

Реконструкция различных метафизик, лежащих в основании общественно-научных логик, проделанная в «Об обосновании», обеспечила «смену научных парадигм», породившую исследовательские проекты группы Больтански и Тевно, которые я уже рассматривал (Вагнер 1999, Вагнер 2004). Резервуары морально-политических оценок, к которым

¹ Переводы мои собственные.

обращаются люди при необходимости обосновать свои действия и мнения, являются практическими политическими философиями, происходящими от канонических подходов в политической теории. Таким образом, нормативная политическая философия действительно обнаруживается эмпирически в общественной жизни; проявляется же такая форма рассуждения и моральной аргументации, как и полагается «политическому», тогда, когда возникает нужда в «основании для согласия», т. е. когда необходимо достичь консенсуса об интерпретации ситуации.

Хотя эта программа является одним из главных интеллектуальных событий в социологии и политологии за последние два десятилетия, она не отвечает на все ею же самой поставленные вопросы. Наряду с другими критическими замечаниями наиболее важным было обвинение в том, что такой подход способствует возвращению «политического», пусть и в особой форме, и пренебрегает или даже опустошает «общественное». Несмотря на необоснованность такого обвинения по отношению к исследователям, этот упрек тем не менее указывает на неискоренимость барьера, возникшего вместе с подъемом общественных наук, между «политическим» и «общественным». В этой связи на первый план выходят вопросы о том, что именно было сутью «разрыва с философией», породившего общественные науки, что стало его причиной и каковы его последствия?

Не стремясь дать исчерпывающие ответы на эти вопросы, данный очерк лишь утверждает их важность и, возможно, намечает некие направления, где могут быть найдены ответы. Для того чтобы вполне представить себе проблемы, затрагивающие сам фундамент современной социальной теории, следует вкратце реконструировать исторический процесс разделения «общественного» и «политического» и постепенного вытеснения «политического». Отделение социальной теории от политической философии, диагностированное Больгански и Тевно, часто связывают с упадком политической философии. Если бы это было так, то следовало бы утверждать, что общественные науки являются путем решения политических вопросов иными, чем философия, средствами, поскольку сами политические вопросы не исчезают. При ближайшем же рассмотрении, произошло в действительности не исчезновение политической философии, но слияние определенной формы политической теории, имеющей индивидуалистический либерализм в своей сердцевине, с довольно технократической линией в общественных науках. Этот союз жанров правил общественно-политическим миром в течение большей части послевоенного периода. Если сегодня заметны признаки конца этого господства, то самое время озаботиться пониманием его способа управления.

Возникновение «общественного» из недр «политического»

Со времени своего первого появления в Древней Греции термин «политическое» указывает на то, относительно чего люди (в любом сообще-

стве) действуют совместно, либо на саму эту совместную деятельность относительно определенных проблем. Термин «общественное» — и его эквиваленты в других европейских языках — в свою очередь, указывает на связанность человека с другими людьми. Можно сказать, что он позволяет нам обсуждать ситуации, в которых люди выстраивают отношения друг с другом. Логически, по крайней мере, представляется, что «общественное» должно включать «политическое»: не всегда в своих отношениях с другими людьми мы выстраиваем эти отношения с целью решения общих проблем; но всегда, когда мы решаем общие проблемы, мы выстраиваем отношение друг к другу². Однако подъем общественных наук, начавшийся с конца восемнадцатого столетия и продолжающийся по сей день, вместо простого указания на разницу между формами человеческих отношений предложил особую интерпретацию этого различия. Точнее, совершенно новый способ обсуждения связей между людьми появился с вводом термина «общество»; в результате возникший в восемнадцатом столетии термин «общественные науки» постепенно, но неуклонно заменял или по меньшей мере вытеснял с центральных позиций термины «моральные и политические науки» и «наука о государстве».

Термин «общество» прошел несколько ступеней в своей карьере. Первоначально он не имел прямого политического значения. «Обществом» было добровольное объединение людей, собиравшихся с определенной целью (Хейлброн 1995: 86). Постепенно, однако, он стал использоваться в моральных и политических науках, в частности в ходе дебатов во Франции и Шотландии, и стал там обозначать главный объект общественно-политической жизни. В таких сочетаниях, как «политическое общество» и «гражданское общество», он означал не что иное, как государство — но через призму теории общественного договора, т. е. как объединение людей, собравшихся с некой целью, подразумевая в данном случае, что все люди на некой территории согласны с этой целью, в отличие от более раннего «частного» смысла «общества». Таким образом, он сохранил свое изначальное значение, но использовался теперь — посредством аналогии или гипотетического допущения — для объяснения возникновения политики в условиях равной свободы. Очевидно, что термин «общественный» использовался здесь в сфере «политического»: связь между людьми была политической; люди были связаны друг с другом лишь вследствие общей потребности или цели. Однако это также был и особый способ мыслить «политическое». В гипотетическом природном состоянии, т. е. «до» заключения общественно-го договора, политика не существует при таком понимании. Такой подход был чужд политической мысли античности, в которой человек был существом политическим, или, другими словами, в которой совместное

² Интерпретацию политического дискурса современности как попытки снизить эту необходимость посредством «иммунизации» индивидов см. Эспозито 1998.

действие было фундаментальной проблематикой человеческой жизни. Наоборот, в теории общественного договора, опирающейся на модернистский индивидуализм, человек мыслился прежде всего как существо без политических связей. Только по причине непредсказуемости или даже явной конфликтности своих общественных отношений люди устанавливают политические связи³.

Вследствие такого выведения «политического» из «социального» в индивидуалистических теориях, с конца восемнадцатого века возникает в качестве следующего шага концептуального развития новая форма разделения «политического» и «общественного». «Общество» теперь стало рассматриваться как нечто вполне самостоятельное по отношению к политике, хотя и осуществляло себя через нее. В этом представлении об «обществе» как реальности *sui generis* между политикой и индивидами (или домохозяйствами) продолжилась линия упомянутого концептуального нововведения, утверждающего, что между людьми существуют общественные связи, которые отличны от их политических связей. В большинстве общественных теорий девятнадцатого века характер и объем социальных связей концептуализировался таким образом, что мог включать и политические связи (Вагнер 2001). Итак, «общественное» использовалось для решения проблемы «политического», проблемы, которая оказалась неразрешимой, как я покажу далее, в условиях индивидуальной свободы. Такой подход продолжает господствовать над нашим пониманием «политического». Представление о «социальном субстрате» лежащем в основании всякой политики используется, например, для анализа отношений между европейскими демократическими национальными государствами и возникающей европейской политикой (Оффе 1998). Правда, что в некоторых теориях, наиболее очевидно в марксизме, именно противоречие между структурой общественной связи и структурой политической связи было движущей силой изменений. Но марксизм не столько предлагает альтернативный подход, сколько переворачивает вверх ногами идею о необходимости некой структуры социальных связей для политики.

Общественные связи были отделены от политических концептуально только для того, чтобы быть вновь к ним присоединенными на следующем этапе концептуального развития⁴. *Отделение* было необходимым изначально для утверждения индивидуалистического понимания свободы; *восстановление единства* было необходимо для введения свободы в рамки предсказуемости. Даже при наличии полной автономии, согласно представлениям общественных наук, люди будут руководство-

³ Реконструкцию возникновения «общественной» терминологии из «политической» см. Хальберг и Виттрок 2006; предложение восстановить связь между «общественным» и «политическим» см. Карагианнис и Вагнер 2005.

⁴ См. очень похожие наблюдения Бруно Латтура о разделении «природного» и «общественного» в «Мы никогда не были современными» (1991).

ваться ограниченным количеством понятных склонностей. А такая связь свободы и предсказуемости была чрезвычайно важна в тот исторический период, когда навязываемые извне ограничения на свободное принятие решений, казалось, исчезают — в период Американской и Французской революций.

Революционный момент

Эти революции придали институциональное оформление политическому аспекту более широкой культуры индивидуальной автономии, которая является ключевым элементом современности. В этом смысле большую часть истории с приходом современности можно рассматривать как высвобождение людей из навязанных связей, но такое освобождение не лишено проблем. Как описал некогда эту черту современности Клод Лефор (1985: 214–215): «став независимым, индивид не сменяет... одну определенность на другую... Новый модус существования индивида в горизонте демократии возникает не просто как возможность контролировать свою собственную судьбу, но также, и это не менее важно, как утрата уверенности в собственной идентичности — уверенности ранее проистекавшей из заданного индивиду положения, социального места или возможности присоединиться к легитимному авторитету». Освобождение интерпретируется здесь как рост неопределенности и случайности в жизни людей.

Если бы такой взгляд был самоочевиден, то следовало бы ожидать, что после этих революций навеки в интеллектуальной сфере станут доминировать философии случайности — например, в стиле Ричарда Рорти (1989), — объединившие силы с либерально-индивидуалистической политической теорией⁵. Однако исторически это не так. Наоборот, «исторический момент, о котором мы говорим, проявляется таким образом, что подлинный взлет „политического“ уже содержал в себе его падение» (Манан 1994: 123). На самом деле, исторический момент свободы совпал с подъемом социальной теории. «Общество» как объект общественных наук оказалось постреволюционным открытием; или точнее, «социологическая позиция учреждается в тот момент, когда свобода становится главной чертой мира людей» (Манан 1994: 75 и 113)⁶. Такой явный парадокс вскрывает апорию политической мысли после освобождения. Сильно обобщая, можно сказать, что социальная теория и была ответом на новые условия — навлеченные, следует добавить,

⁵ Как Рорти (1989: 63) в самодовольстве и историко-политическом невежестве действительно утверждает: «Западная общественная и политическая мысль претерпела последнюю необходимую концептуальную революцию». Размышления об этой тезе см. Гандер 1999.

⁶ Ранний — вдохновленный Альтюссером — анализ возникновения социологии «между двумя революциями» см. Терборн 1976.

собственными усилиями людей — принципиальной неопределенности и случайности. Лишившись возможности полагаться на навязываемые извне ограничения, общественно-политические мыслители начали поиск закономерностей и непрерывностей, которые не были бы результатом чьего-либо повеления или результатом творения каким-либо высшим существом. Общественная теория была способом уменьшения случайности.

Проблема постреволюционной свободы

Этот интеллектуальный переход может быть понят, если взглянуть на глубокий шок, который вызвали революции в общественной и политической мысли (Вагнер 1989). Говоря несколько схематично и в первом приближении, этот опыт потребовал замены республиканского понимания свободы либеральным⁷. Со времен Гоббса и Локка, либералы определяют свободу как невмешательство. Государство, возникшее как результат свободного договора, господствует над индивидами, но вмешивается в их свободу только в той степени, в которой это необходимо для поддержания порядка. Либеральная традиция нуждается в четкой границе между общественным и частным; каковы бы ни были общественные связи в частной сфере, они не оказывают влияния на публичную сферу, форма которой задается лишь разумом. Поскольку невмешательство «публичного» в «частное» является высшим принципом, то такой подход может предложить лишь «слабое» участие и асоциальное членство в политике. Напротив, республиканцы определяют свободу как не-господство. Опираясь через посредство Макиавелли на римскую (и греческую) политическую мысль, не-господство понимается в более сильных терминах, чем невмешательство; оно требует гарантий против вмешательства. Такие гарантии проистекают, по крайней мере, частично, от самих отношений между гражданами, т. е., другими словами, от их общественных связей, в которых водораздел между частным и публичным менее четок, и имеются более «сильное» участие и членство в политике, чем в либерализме (Петит 1997, Скиннер 1998, из последних работ).

Историки политической мысли сегодня согласны — в большинстве своем, может быть даже слишком поспешно, но здесь не место обсуждать этот вопрос, — что республиканские ценности были в целом забыты в начале девятнадцатого века, а либеральные ценности, не бывшие до этого ни особенно сильным, ни достаточно последовательным мировоззрением, очень скоро оказались в центре политической теории в постреволюционных политиях. Несмотря на то, что именно республиканская мысль вдохновляла революции, сами революционеры

⁷ Детальная реконструкция республиканской политической мысли в Европе см. Ван Гельдерен и Скиннер 2002.

стремились соединить две цели, которые оказались мало совместимыми. С одной стороны, они хотели преобразовать государственный суверенитет в руках монарха в народный суверенитет, т. е. опирались на расширенные понятия гражданства и свободы. С другой стороны, они мыслили эти преобразования политики только в рамках существовавших территориальных государств. Такое двойное преобразование подразумевало, во-первых, что существовавшие социальные связи между людьми, подозреваемые в том, что они пронизаны господством и привилегиями, свойственными феодальному обществу, должны были быть ослаблены или устранены. Но вследствие этого отвергался главный имевшийся ресурс для подлинного, «сильного» основания современной республики. Во-вторых, идея распространения, как можно шире, политических прав ставила под сомнение осуществимость понятия свободы, которая в республиканской традиции требует усилий от граждан и имеет существенное общественное содержание. Осторожность, казалось, требовала — в не меньшей степени от более консервативных наблюдателей — ограничить суть понятия свободы именно в тот момент, когда оно расширялось. В результате публичная сфера, политика, была лишена большей части своего «общественного» содержания, а вместо нее на первый план вышел формальный процесс, посредством которого принимались общие решения. Принятие того или иного варианта такого процедуралистского индивидуалистического либерализма стало главной причиной упадка традиции политической философии. С отказом от всякого сущностного общественного основания политики и «опорой в управлении всецело на индивидуальные эгоизм и согласие» (Вуд 1998 [1969]: 614 и 612, об учреждении США), неизбежным казался вывод о том, что после того как разумная воля индивидов приобрела институциональную форму, политический порядок является в сущности удовлетворительным (Манан 1994: 228–9).

Подъем социальной теории

Не все, однако, посчитали такое решение осуществимым, в особенности в Европе, где революционная борьба за права на самоопределение казалась внутренне связанной с возможностью террора. «Следствием свободы для индивидов становится то, что они могут делать, что пожелают. Мы должны знать, *что* они пожелают делать, прежде чем начнем всех поздравлять» (Берк 1993 [1790]: 8–9), как отметил Эдмунд Берк в своих знаменитых размышлениях о Французской революции. Хотя индивидуалистический либерализм предлагает такое понимание свободы (негативное, т. е. свободы как невмешательства), каковая в принципе может соответствовать Берковским требованиям, при условии, однако, что государство способно поддерживать порядок ради и над индивидами; существует все же и другой выход из апории свободы, а именно: постараться выяснить, «что они пожелают делать» иными средствами.

Американская и Французская революции, таким образом, чрезвычайно способствовали изучению того, что объединяет людей: как они, собственно, организуют свою жизнь как индивидуально, так и в «ассоциациях» (Алексис де Токвиль) или «общественных движениях» (Лоренц фон Штайн), либо же в рамках политики или «нации»; какие можно ожидать закономерности и модели устройства обществ, если людям позволено их выстраивать собственными действиями без навязываемых ограничений. Это был новый поиск общественных связей, который был одновременно и главным корнем социальной теории, и политически мотивированным исследованием.

Вскоре стало ясно, что имеются различные варианты концептуального рассмотрения того, «что они пожелают делать», и данное разнообразие задает именно ту социальную метафизику, с которой решили начать Больтански и Тевно в реконструкции практической политической философии. Некоторые изучаемые стратегии начинают непосредственно с положений индивидуалистического либерализма. Единственным мыслимым как онтологическим, так и методологическим основанием науки о политике в постреволюционный период стал индивид, обладающий полнотой свобод. После того как права человека были повсеместно признаны неотъемлемыми и самоочевидными, казалось само собой разумеющимся, например, для Тюрго и Кондорсе, что права человека были также и «логическим основанием науки об обществе» (Бейкер 1975: 218). В либерализме, опирающемся на права индивида, именно индивид является единственной категорией, которая не подлежит, да собственно и не может подвергнуться, обсуждению.

Как только было принято это положение, открылись два главных направления для науки о «политическом». Обе теоретические формы увязывают модернистскую политическую философию, т. е. индивидуалистический либерализм, с наукой о «политическом»⁸. С одной стороны, можно было установить посредством теоретического анализа главные признаки основной единицы мышления — индивидуального человеческого существа, а также его поступков. С тех пор как эта единица стала онтологическим началом, лишенным всяких специфических, исторических или общественных связей с миром, характеризовать ее было возможно только исходя из неких внутренне присущих свойств. В ходе ранних обсуждений эти свойства представлялись двояко: как страсти и как интересы. В контексте позднего Просвещения рациональную сторону этой дихотомии сочли доступной для систематического рассмотрения, что позволило выстроить научный подход в изучении хотя бы одной сферы человеческой деятельности — производства и рас-

⁸ Это версии «социальной теории» в нашем нынешнем понимании термина, несмотря на то, что их понимание «общественного» чрезвычайно «слабо» или точнее их сущностный интерес в «общественном» весьма ограничен; гораздо больший интерес для них представляет результат взаимодействия.

пределения материального богатства⁹. С этого началась традиция *политической экономии*, которая затем преобразовалась в *неоклассическую экономику*, а еще позднее в *теорию рационального выбора*. Прежняя моральная и политическая философия раскололась на политическую теорию, опирающуюся на идею общественного договора, и рационализированную моральную теорию, основанную на идее обмена. И в том, и в другом случае началом для всякого рассуждения и базовой единицей анализа остается индивид.

Хотя политическая экономия опиралась на весьма абстрактный, и потому весьма привлекательный, тезис о рациональности человека, другой вывод из базового индивидуалистического принципа был гораздо скромнее. Избегая каких бы то ни было предположений о движущих человеком силах, статистический подход, часто именуемый *политической арифметикой*, ограничился сбором выражаемой в числах информации о человеческом поведении. Такой подход фактически выхолостил всякие сущностные предположения, но обратно пропорционально увеличил методологическую зависимость от математики (Дерозьер 1993).

Итак, два направления политической мысли, существовавшие и развивавшиеся в течение некоторого времени, поднялись на новый уровень и утвердились как политическая экономия и политическая арифметика. Как свидетельствуют сами названия, в конце восемнадцатого века они явным образом были связаны с политикой. Но и той, и другой предстояло утратить эту связь (и прилагательное «политическая») в девятнадцатом столетии, по мере того как они консолидировали свои методологии, а также по мере того, как использование собственных им когнитивных форм стало господствовать в политических процессах обсуждения и принятия решений, затрагивающих общие интересы, по крайней мере, по мнению многих экономистов и статистиков. Это терминологическое изменение рассматривалось главным образом как автономизация когнитивных подходов и дифференциация наук в дисциплины. Тем не менее не следует утверждать, что *экономика* и *статистика* отделены от политики: признав общезначимость подходов экономики и статистики, мы более не имеем для изучения ничего политического. «Общее» попросту возникает: либо из предположения о рациональности, либо из совокупности индивидуальных действий.

Распространение экономического и статистического способов мыслить «общественный» мир не осталось без критики; более того, они нигде не смогли стать единственными способами. Однако как критики, так и те, кто предлагал альтернативные подходы, приняли фундаментальное изменение в политическом мышлении после появления поли-

⁹ Как показал Альберт Хиршман (1977), такая логика предполагала преобразование общественных конфигураций в направлении постоянно усиливающихся «коммерческих связей» за счет уменьшения роли других общественных связей.

тии, основанной на установке о свободе индивидов¹⁰. Но по мере того, как такая полития складывалась, появлялись новые проблемы. Это были главным образом проблемы либеральные, они происходили, можно сказать, из наблюдения, что не все, что требовалось для организации либеральной политии, можно было вывести из «изначальной позиции» (Ролз 1971). Можно выделить два основных типа проблем в связи с гипотетической «изначальной позицией», в каковой индивиды находятся под «покровом неведения».

С одной стороны, из рассмотрения, опирающегося на предположение о свободе и равенстве индивидов, проистекает весьма ограниченное количество выводов. Отношения таких индивидов структурировались в соответствии с политически значимыми «до-политическими» социальными фактами, т. е. с ориентациями и связями между людьми, которые, предполагалось, существовали до того, как индивиды вступили в политическую коммуникацию и обсуждение принятия решений. С другой стороны, действие самих либеральных норм порождает новые типы общественных отношений, «пост-политических» отношений, которые в свою очередь оказывают структурное влияние на политику.

Все попытки теоретизировать «до-политические» отношения начинаются с критического замечания о том, что человек, вступающий в политические отношения, не соответствует описываемому либеральной политической теорией индивиду, а допущение какой-либо «изначальной позиции» ведет лишь к серьезным ошибкам в выводах. Такая критика подчеркивает укорененность любого человека в *контекстах*, из которых только и проистекает всякая возможность осмысливать мир. Наиболее широким интеллектуальным движением такого типа стала *культурно-лингвистическая теория* границ политии, ознаменовавшая культуралистское мышление в социальной теории, а также послужившая одним из источников национализма. Контексты, однако, не обязательно определять в коллективистских формах; за последние два столетия были выработаны две альтернативы. Их можно представлять как модусы *интерсубъективности*, обусловленной изначальной общественной природой и взаимодействием, как например, в ранних работах Гегеля (см. напр., Хоннет 1992, Йоас 1992), либо можно отталкиваться от изначального состояния «бытия-в-мире» и «бытия-с», как предложено Хайдеггером и его последователями (см. напр., Нанси 1986; 2001). И в том, и в другом случае альтернативные допущения не ведут столь прямо к концепциям о форме политии, как это происходит в коллективистских теориях.

Другая основная линия постреволюционной общественной мысли исходила из представлений, во-первых, о том, что базовые либераль-

¹⁰ Поскольку все политии в девятнадцатом веке налагали ограничения несовместимые с полноценным индивидуалистическим либерализмом, следует уточнить, что такая полития возникла на горизонте политических дискуссий благодаря революции, но не приобрела действительной институциональной формы.

ные установки, став эффективными правилами жизни, окажут длительные и значимые *влияния* на то, что обществоведы впоследствии назовут «структурой» общественных отношений. В этом смысле мы можем именовать такие отношения «пост-политическими». А во-вторых, проблемы таких отношений выступили на первый план в общественной и политической мысли в связи с тем, что либеральные установки оказались неспособны сами по себе создать и легитимировать политический порядок. Наблюдение за структурами представительства использовалось для укрепления стабильности и предсказуемости политических процедур, которые иначе казались бы подверженными любой случайности, по причине упряднения какой бы то ни было легитимности предустановленного порядка. Возможны две основные стратегии восстановления определенности: системное наблюдение и рефлексивная концептуализация. Два этих интеллектуальных ответа на политическую проблематику заложили основы двух последующих способов теоретизировать «политическое»: *бихевиоризм* и опирающийся на теорию представительства общественного интереса *структурный функционализм*. В отличие от экономики и статистики, они не исходят из индивидуалистических установок, но стремятся рассматривать общественно-политическую жизнь в чисто общественных формах.

Общественная и политическая связь после подъема социальной теории

Итак, все главные подходы в социальной теории можно рассматривать как способы разрешить проблему случайности после того, как утвердилась свобода человека. *Теории «общественного»* предлагаются для того, чтоб прояснить возможные условия и просчитать вероятности поступков и их последствий в пространстве «политического», которое распалось в момент, когда лишь свободная воля ее участников начала формировать политику. *Философии «политического»* уже давно осознали ставки в этой игре, и с эпохи античной политической мысли вплоть до Ренессансного гуманизма они старались сформулировать доводы и сформировать пути как для принятия открытости «политического», так и для ограничения ее воздействия. Исходя главным образом из представления, что политика — это человеческая деятельность по природе открытая, плюралистичная и разнообразная (Арендт 1958), какая-либо когнитивная спайка свободы действия и предсказуемости результата невозможна. Но никогда еще политической философии не доводилось строить свои рассуждения на предпосылке о равной свободе всех индивидов — участников политики; именно в этих обстоятельствах, весьма парадоксально, «социологическая позиция задается в тот момент, когда понятие свободы становится главным выражением человеческого мира», перефразируя Манана еще раз.

Недавно такое социологическое мышление подверглось суровой критике, главным образом по причине присущего ему детерминизма. Упорядоченные результаты могут возникать только вследствие спланированных или рутинных, привычных действий, — работа и труд в терминологии Ханны Арендт, — относительно которых уверенность присутствует до того, как начаты сами действия. Напротив, политическое действие в условиях свободы не может не сопровождаться случайностью и непредсказуемостью последствий. С точки зрения Арендт, социальная теория устанавливает тем самым невозможную связь. Пытаясь выявить правила и закономерности человеческих поступков и общественного развития, социальная теория неизбежно порывает с наследием политической философии, подчеркивающей творческую активность, неискоренимое разнообразие и постоянную открытость непредсказуемым начинаниям. Именно в свете таких проблем мы стали в дискуссиях конца двадцатого века свидетелями возрождения политических философий свободы, часто выходящих за рамки понимания свободы в либеральной политической теории. Эти работы, таких авторов, как Клод Лефор, Пьер Манан или исторически ориентированный Квентин Скиннер, не являются просто вкладом в политическую философию или ее историю, они, скорее, ставят под сомнение само разделение социальной теории и политической философии.

Как бы ни была с этих позиций важна критика социальной теории, простое возвращение к политической философии не сможет разрешить возникшие проблемы. Многие из исследователей не смогли учесть причины исторического упадка политической философии и сопутствующего взлета социальной теории. А те, кто смог, часто приходят к нормативному выводу о необходимости отвергнуть «открытие „общественного“» (Донзело 1984), поскольку прежде всего имеют в виду движение к «администрированию „общественного“» (Арендт 1958), забывая, однако, то, насколько политика изменилась в ответ на действительно проблемные ситуации, а не просто вследствие недопонимания «политического». Именно на таких основаниях этот очерк стремился реконструировать, пусть и чрезвычайно кратко, исторический сдвиг от «политического» к «общественному» с особым вниманием к сложившимся интерпретациям политической и общественной связи.

В нашей краткой интеллектуальной истории мы видели, как за последние два столетия в европейской (и североамериканской) истории на первый план выходит понятие равной свободы. Это понятие тесным образом связано с допущением «общности человечества», выделенного Больтански и Тевно для определения общих принципов социальной метафизики. Можно отметить, что Больтански и Тевно смотрят лишь на современные способы обоснования или, точнее, что они в своей реконструкции опираются на источники политической современности. Несмотря на то, что они обращают внимание на проведенную ими таким образом границу, например в своем рассмотрении евре-

ники, они не задумываются о концептуальном отношении этого допущения со способами обоснования, которые ею управляются. В нашей реконструкции демонстрируется, что это допущение находится в сердцевине индивидуалистического либерализма, доминирующей теории политической современности. Если она принимается, что в некотором смысле неизбежно, то возможны три варианта взаимодействия с этим подходом.

Во-первых, можно признать индивидуалистический либерализм вполне достаточным для нормативного обоснования «современных обществ». Все, что требуется принять за аксиому, — это равная свобода наделенных правами индивидов, а все остальное можно оставить для свободного решения самих индивидов. Именно такому мнению противостоял Берк. В принятой мною терминологии оно мыслит лишь «слабую» политическую связь между людьми и не способно помыслить никакую общественную связь, которая представляла бы хоть какой-то интерес. Во-вторых, можно утверждать, что равная свобода есть лишь начало для размышлений о политической современности, для которой характерно коммуникативное взаимодействие между людьми, с целью определить, *что* именно они вынуждены регулировать сообща и как они должны это делать. Это республиканская позиция, которая, несмотря на привлекательность, оказывается малоосуществимой в условиях массовых обществ со сложными формами взаимодействия. Она опирается на существенное допущение о том, что политические связи складываются и постоянно пересматриваются в общественном взаимодействии, но почти ничего не говорит о сути этих связей. В-третьих, можно постараться удовлетворить желание узнать больше об основаниях человеческого взаимодействия посредством наблюдения за способами взаимодействия и их концептуализации различными вспомогательными инструментами. Именно этим путем пошли социальная теория и общественные науки, и были обвинены в сверхдетерминизме. Этот подход опирается на «сильное» понятие об общественной связи, или точнее, на множество таких понятий, но в целом предал забвению вопрос о «политическом», лежавший у его истоков.

Всеобъемлющая политическая социология, вновь открывающая связь между социальной теорией и политической философией, и могущая в этом опереться на теорию обоснования в работах Больтански и Тевно, расположилась бы между второй и третьей возможностью, принимая элементы первой в качестве фона. Она принимает существенные допущения, опора на которые задает результаты взаимодействия и позиции людей в обществе, работая в этом смысле в рамках социальной теории. Но также полагает, что опора на эти существенные допущения сама является предметом интерпретации и возможного пересмотра, вынуждая тем самым к некому коммуникативному процессу обсуждения принятия решений, что находится в центре республиканской

политической философии. И так, существует возможная теоретическая позиция, восстанавливающая единство того, что было разъединено в ходе интеллектуальной истории на протяжении последних двух столетий, — понимание «политического» и «общественного». Предстоит, однако, показать, в определенной степени вопреки установкам самих Больтански и Тевно, что из этой позиции можно развить социологию крупных общественных конфигураций, сохраняя внимание к политическим формам. Не имея возможности вдаваться в детали, проиллюстрирую это лишь на примере политической истории после Второй мировой войны в Европе¹¹.

Нынешние современные политии и их потребность в обосновании

Восстановление политий в этот период было отмечено особым вниманием к гражданским свободам и верховенству закона, большим, чем на всем протяжении девятнадцатого и первой половины двадцатого столетий. Мы признаем здесь влияние индивидуалистического либерализма как нормативной политической философии, лежащей в основе этой политики. Однако при ближайшем взгляде мы увидим, что относительно стабильные европейские политические системы «тридцати славных лет» (Жан Фурастье 2004) не были основаны на чистом процедурализме индивидуалистического либерализма. Во внутренних делах либерально-демократические национальные государства с постепенно усиливающейся политикой благосостояния демонстрировали скорее признаки компромисса между логикой либеральных обоснований и логикой, свойственной культурно-лингвистическим теориям и теориям общественного интереса. Таким образом, они соединяли рационально-индивидуалистические, культурно-лингвистические и структурно-функционалистские теории — иначе известные как либерализм, национализм и социализм, — в некое целое, которое ни в малейшей степени не было последовательным и логичным, но было вполне приемлемо для большинства населения, что и проявилось в нарастающей массовой лояльности вплоть до конца шестидесятых годов. Смутно осознавая непоследовательность этого либерально-культурно-социального компромисса, европейские политии попытались увязать эти логики в единое целое прибегнув к эмпирической науке о политике и обществе, опиравшейся на средства бихевиоризма и статистики, которая должна была вести по пути богатства и лояльности, но использование которой никогда не освободилось от технократизма.

Исторически существующие политии можно в принципе считать институционализированными компромиссами базовых вариантов раз-

¹¹ Одно важное допущение, позволяющее сделать этот шаг таково: в условиях политической современности правила политической жизни всегда нуждаются в обосновании, или шире, от них могут потребовать обоснования.

ных способов обоснования. Индивидуалистический либерализм предоставил фон и задал ключевую проблематику, относительно которой реализовывались другие способы обоснования. Это позволяет рассматривать проблему учреждения (constitution) политики как подлинно политический вопрос, как фундамент соглашения в условиях свободы, но препятствует его рассмотрению традиционными средствами политической философии. На помощь для решения созданных таким образом проблем выступают допущения об общественной связи, в особенности культурно-лингвистической и структурно-функционалистской. Они оказываются не просто социальными теориями, но обеспечивают резервуары для обоснования, имеющего прямое касательство до политических действий. Они могут использоваться для определения, с точки зрения принципов, является ли человек членом данной политики и каково его/ее место в этой политике. Наконец, эти резервуары обоснований сами по себе недостаточны для такого определения. Ибо их использование и понятия должны быть преобразованы в категории действия, которые позволили бы точно указать конкретного человека в качестве «случая» («case»), к которому можно применять это обоснование. (см. Вагнер и Циммерманн 2003). Эта задача может быть выполнена прежде всего с помощью права (law), в прямой связи с наделенными правами индивидом либерализма, и статистики, в прямой связи с культурными и общественными логиками рассуждений. Эти средства позволяют создать те инструменты, которые могут стабилизировать сложные институциональные компромиссы между способами обоснования, свойственными современным политиям.

Сравнительное исследование современных политий в рамках союза социальной теории и политической философии должно тогда сосредоточиться на трех вопросах: анализ разнообразных форм политической современности на основе имеющихся институциональных комбинаций индивидуалистического либерализма — в качестве неизбежной точки отсчета политической современности — с более насыщенными общественно интерпретациями человеческого бытия в мире, которые имеются в, за неимением лучшего термина, культурных и социальных теориях (см. Ламон и Тевно 2000; Вагнер 2005); исследование «культурного» разнообразия современности в рамках существующих комбинаций упомянутых теорий в качестве основных способов общественного самопонимания или, в терминах Корнелиуса Касториадиса, «значений общественного воображаемого»; и исследование использования способов обоснования с целью преодоления противоречия между (политическим) волонтаризмом и (социальным) детерминизмом в качестве реализации верности принципу свободы в ситуационном контексте, или, в терминах Чарльза Тэйлора (1975), «свободы в конкретной ситуации».

Библиография

- Arendt H. (1958) *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press.
- Baker K. M. (1975) *Condorcet: From Natural Philosophy to Social Mathematics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Boltanski L., Thévenot L. (1991) *De la justification*. Paris: Gallimard.
- Burke E. (1993 [1790]) *Reflections on the Revolution in France*. Oxford: Oxford University Press (ed. L. G. Mitchell).
- Desrosières A. (1993) *La politique des grands nombres: Histoire de la raison statistique*. Paris: La découverte.
- Donzelot J. (1984) *L'invention du social: Essai sur le déclin des passions politiques*. Paris: Fayard.
- Esposito R. (1998) *Communitas: Origine destino della comunità*. Turin: Einaudi.
- Fourastié J., Cohen D. (2004) *Les Trente Glorieuses ou la Révolution invisible de 1946 à 1975*. Paris: Hachette Littératures.
- Gander E. (1999) *The Last Conceptual Revolution: A Critique of Richard Rorty's Political Philosophy*. Albany: SUNY Press.
- Hallberg P., Wittrock B. (2006) «From koinonia politiké to societas civilis», In P. Wagner (ed.) *The Languages of Civil Society*. Oxford: Berghahn.
- Heilbron J. (1995) *The Rise of Social Theory*. Cambridge: Polity.
- Hirschman A. (1977) *The Passions and Interests: Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Princeton: Princeton University Press.
- Honneth A. (1992) *Kampf um Anerkennung*. Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Joas H. (1992) *Die Kreativität des Handelns*. Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Karagiannis N., Wagner P. (2005) «Towards a Theory of Synagonism». In *The Journal of Political Philosophy* 13 (1): 232–265.
- Lamont M., Thévenot L. (eds.) (2000) *Rethinking Comparative Cultural Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Latour B. (1991) *Nous n'avons jamais été modernes*. Paris: La découverte.
- Lefort C. (1986) «Réversibilité: Liberté politique et liberté de l'individu». In *Essais sur le politique. XIX–XX siècles*. Paris: Seuil: 197–216.
- Manent P. (1994) *La cité de l'homme*. Paris: Fayard.
- Nancy J.-L. (1986) *La communauté désœuvrée*. Paris: Bourgois.
- Nancy J.-L. (2001) *La communauté affrontée*. Paris: Galilée.
- Offe C. (1998) «Demokratie und Wohlfahrtsstaat: Eine europäische Regimeform unter dem Stress der europäischen Integration». In W. Streeck (ed.) *Internationale Wirtschaft, nationale Demokratie*. Frankfurt/M: Campus: 99–136.
- Pettit P. (1997) *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford: Clarendon.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rorty R. (1989) *Contingency, Irony, Solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner Q. (1998) *Liberty before Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor C. (1975) *Hegel*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Therborn G. (1976) *Science, Class and Society: On the Formation of Sociology and Historical Materialism*. London: New Left Books.
- Van Gelderen M., Skinner Q. (eds.) (2002) *Republicanism: A Shared European Heritage*. Cambridge: Cambridge University Press (2 vol.).

- Wagner P. (1998) «Certainty and Order, Liberty and Contingency; the Birth of Social Science as Empirical Political Philosophy». In J. Heilbron, L. Magnusson, B. Wittrock (eds.) *The Rise of the Social Sciences and the Formation of Modernity*. Dordrecht: Kluwer: 241–263.
- Wagner P. (1999) «After Justification: Repertoires of Evaluation and the Sociology of Modernity». In *European Journal of Social Theory* 2 (3): 341–357.
- Wagner P. (2001) *A History and Theory of Social Sciences*. London: Sage.
- Wagner P. (2004) «Soziologie der kritischen Urteilskraft und der Rechtfertigung: Die Politik- und Moralsoziologie um Luc Boltanski und Laurent Thévenot». In S. Moebius, L. Peter, *Französische Soziologie heute*. Konstanz: UVK / UTB: 417–448.
- Wood G.S. (1998 [1969]) *The Creation of the American Republic 1776–1787*. Durham: University of North Carolina Press.